

АГРЕССИЯ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Лингвистические исследования последних лет указывают на высокий уровень речевой агрессии в современном обществе [2; 8; 12; 13; 15; 26; 27; 30]. Начиная с бытовых разговоров соседей по дому и перепалок в магазинных очередях и кончая митингами на площадях и дебатами в парламенте, звучащая речь характеризуется такими чертами, как жесткость в оценке поведения собеседника (обуславливающая выбор соответствующих оценочных средств), крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбужденный, нередко враждебный тон речи и т.п.).

В философии и психологии утверждается, что агрессия является одним из фундаментальных (инстинктивных) свойств человеческого поведения [6; 16; 23; 24]. С данным утверждением невозможно не согласиться. Мнения, однако, могут расходиться, когда речь заходит о роли агрессии в социальной жизни человека, регуляции его поведения во взаимодействии с другими людьми. При этом в роли Другого могут выступать как представители одного и того же этноса или (шире) культурного сообщества, так и представители других культур. Любое проявление агрессии оценивается с позиций нравственности, морали, этики, социальных норм. Например, один и тот же поступок может быть оценен кем-то как (неоправданно) агрессивное поведение, в то время как другие сочтут его вполне оправданным. Помимо чисто субъективного критерия здесь большую роль играют и такие факторы, как локально-темпоральный контекст ситуации конфликта, идеология, аксиологическая составляющая и т.д. Например, агрессивное поведение по отношению к врагу во время войны ни у одной из конфликтующих сторон не вызывает неодобрения или осуждения. Исследователями предлагаются различные классификации мотивационных предпосылок и видов агрессии.

Американский учёный Л. Берковиц отмечает, что профессиональные социологи и психологи в рассуждениях об агрессии часто используют данное понятие в расширенном значении, которое свойственно обыденному языку. А, как известно, в сознании наивного носителя языка значения слов часто являются размытыми и неточными. Определенные семемы также могут быть недостаточно дифференцированы: «Помимо неправильного поведения, термин «агрессия» может означать и многие другие вещи, но мы не всегда уверены в том, какое именно значение вкладывает в это понятие человек, его употребляющий. Исследователи должны избегать неточности повседневного языка с тем, чтобы наши коллеги, студенты и широкая публика – а, в конце концов, и мы сами – могли иметь чёткое представление о том, что же мы имеем в виду» [5: 361].

Заметим, что наряду со словом «агрессия» как в обиходном, так и научном дискурсе достаточно широко употребляется слово «агрессивность». Однако сразу же оговоримся, что тот же Берковиц рассматривает их как от отдельные, хотя и взаимосвязанные понятия [Op. cit.: 376]. Слово «агрессивность» (англ. *aggressiveness*) является производным от прилагательного «агрессивный» и, следовательно, наследует все его значения. В «Толковом словаре русского языка» [20: 16] у прилагательного «агрессивный» зарегистрировано 4

значения: 1) см. агрессия; 2) наступательно-захватнический. *Агрессивная политика. Действовать агрессивно.* 3) *перен.* Враждебный и вызывающий. *Агрессивный тон.* 4. Оказывающий вредное воздействие (спец.) *Агрессивные среды.*

Агрессия, в свою очередь, определяется как «1) незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства; 2) *перен.* Открытая неприязнь, вызывающая враждебность».

Сравнительный анализ с дефинициями для английского прилагательного *aggressive* в [29] показывает, что помимо значений с явно выраженной негативной семантикой у данного слова имеется значение 'not afraid of opposition; determined and forceful; assertive', которое можно перевести как «решительный, напористый, настойчивый, самоуверенный». Данное значение снабжено стилистической пометой *apprec.* 'одобительно', а в качестве иллюстрации приведены следующие примеры: *A successful businessman must be aggressive; an aggressive marketing campaign.*

Общеизвестно, что словари, а тем более печатные, в силу объективных причин не успевают регистрировать все изменения, происходящие в семантике слов. Хотя русские академические лексикографические источники ещё не зафиксировали «положительное» значение слова «агрессивный», очевидно, что в результате все большего проникновения английских слов в современный язык и популярности калькирования значений как самого простого (но не всегда удачного) способа перевода в русском языке слово «агрессивный» приобрело такое значение. Приведем несколько примеров подобного словоупотребления:

1) *агрессивные ролики* (от англ. *aggressive skates*) – пример неудачной кальки, так как для перевода можно использовать вполне привычное слово «профессиональный»;

2) *Агрессивный осенний маркетинг коммерческих банков слабо отразился на притоке вкладов граждан (AdVesti.ru).* В данном случае слово употреблено в значении «активный, массивный». В этом значении слово носит терминологический характер.

Мы провели этот небольшой лингвистический анализ для подтверждения тезиса Л. Берковица о широте и размытости значений слов «агрессия» и «агрессивность» в культуре и необходимости более чёткого определения в зависимости от сферы исследования. В ходе рассуждений автор выводит следующее определение агрессии: «некоторый вид поведения, физического либо символического, которое мотивировано намерением причинить вред кому-то другому» [5: 366]. Агрессивность же определяется как «относительно стабильная готовность к агрессивным действиям в самых разных ситуациях» [Op. cit.: 375]. Важно то, что в результате вербального намеренного или ненамеренного действия адресату причиняется некий вред или ущерб.

Играя очень важную роль в социальной жизни человека, агрессия находит разнообразное отражение в языке. Язык, как известно, является хранилищем индивидуального и коллективного опыта. Однако наряду с функциями отражения окружающей нас действительности и передачи информации (коммуникативная и кумулятивная функции) язык, с позиций теории

социального конструкционизма, не просто отражает объекты, события и категории, существующие в природе, социуме и культуре, но создаёт, конструирует определённую версию этих вещей [4; 28; 31]. Семантика языка позволяет мифологизировать действительность, создавать мифы, имеющие более сильное влияние на человеческие сообщества, чем реальные факты.

На наш взгляд, необходимо разделять агрессию в языке, которую следует понимать как наличие определенных лексических и грамматических средств для выражения агрессии, то есть всего того, что может причинить какой-либо вред адресату или негативно отразиться на нём, и в дискурсе (собственно речевая агрессия), то есть непосредственного использования указанных средств, а также специальных когнитивно-речевых механизмов и стратегий для достижения данной цели. Дискурс нами понимается, в соответствии с определением, предложенным Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым, как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [11: 8]. Понятие дискурса позволяет учитывать все факторы речевого события, а также объединять отдельные речевые события в соответствии с определёнными компонентами ситуации речевого взаимодействия, такими как адресант, адресат, пространственная или темпоральная соотносённость, тематическая общность, сфера функционирования и т.д. Результатом материальной фиксации дискурса является текст.

Модели агрессивного поведения, существующие в обществе, закрепляются в языке и транслируются из поколения в поколение. О. Н. Григорьева отмечает в этой связи, что «большую роль здесь играют стереотипы национально-культурного сознания. Например, мотив врага – неотъемлемая часть наивной картины мира человека, запечатлённой в мифологии в образах беса, дьявола, сатаны. Скрытая агрессивность может проявляться в слове – в его переносном значении. Метафора социальна по своей природе, это часть картины мира, отраженной в общественном сознании» [8].

В указанной работе исследовательница проводит анализ не только лексических средств вербальной агрессии в русском языке, но и того, как в языке фиксируются и отражаются национально-культурные представления об агрессии физической и вербальной. Таким образом, обсуждается метаязыковая функция, то есть то, как сам язык представляет способы и эффекты агрессии: например, *ранить, убить, причинить боль словом; закусить язык, укоротить язык; Злые языки страшнее пистолета*. Особое внимание автор уделяет отражению агрессивных моделей поведения во фразеологизмах и пословицах. Анализ этих языковых пластов позволил ей сделать ряд интересных выводов: 1) в русском языковом сознании брань часто связана с войной, битвой, а вербальная агрессия почти всегда является предпосылкой агрессии физической; 2) сложные жизненные ситуации очень часто представляются как военные действия, а добиться чего-то можно только силой; 3) часто объект агрессии представляется в образе животного, а также поведение самого агрессора может сравниваться с аналогичным поведением хищного животного; 4) для Советского официального дискурса характерно использование большого количества военных терминов и милитаристских

метафор, которые служили для создания определённого эмоционального настроения (духа соперничества, солидарности, оправданности классовой борьбы и т.д.).

Средства выражения агрессии в естественном языке подвергаются лексикализации и грамматикализации. Как отмечается в [1], грамматические средства выражения агрессии достаточно ограничены (уточним, что в указанной работе автор рассматривает имплицитную агрессию, то есть неявно выраженную вербальную агрессию). Среди таких средств автор выделяет:

1) использование так называемых псевдо-императивов:

Поговори у меня!; Держи карман шире!

В приведённых примерах императив выполняет функции не просьбы или приглашения что-либо сделать, а выражает угрозу или резкий отказ.

2) использование вопроса. Употребление вопросительных конструкций в этой функции задаёт «определённый тип агрессивного отношения к адресату... Их цель – упрекнуть или задеть адресата» [Op. cit.: 33]:

Для кого я говорю?; Вы не видите, что написано?; Ты глухой?

К этому списку мы бы добавили такое грамматическое явление, как императив в форме инфинитива (*Сидеть!; Молчать!*), а также перформативы типа «*Я спрашиваю, долго это будет продолжаться?*». Первая конструкция в русском языке звучит крайне резко и агрессивно: она маркирует абсолютное доминантное положение адресанта по отношению к адресату. Вторая звучит менее категорично, однако агрессивность в отношении адресату сохраняется.

Палитра лексических средств выражения вербальной агрессии значительно шире. В первую очередь, сюда относятся так называемые инвективы: обсценная лексика (грубые и бранные слова, некодифицированная лексика), дисфемизмы, экспрессивные слова с ярко выраженной отрицательной оценкой (например, оскорбительные ксенофобские прозвища и клички типа «жид», «чурка», «чёрный» [10]), использование жаргонов малых социумов и деклассированных элементов [2; 10] и т.д.

К лексическим средствам выражения вербальной агрессии также относятся употребление негативно окрашенной лексики, относящейся к таким семантическим категориям, как «низ», «тоска», «смерть», «голод» [21]. Использование гиперболы может служить для придания агрессивного тона высказыванию [1: 33]: *Куда ты запихал мой рюкзак?* В данном примере глагол «запихал» используется гиперболически, то есть затрачиваемое усилие для совершения указанного действия не выходит за границы нормы («запихивать» в прямом значении указывает на количественную оценку прилагаемого усилия и может нейтрально использоваться в отношении объектов, которые приходится помещать в неподходящие для этого контейнеры). В случае с рюкзаком использование этого глагола придаёт высказыванию «неявную агрессивность» [Ibid.].

Прагматически окрашенные частицы в определённых синтаксических конструкциях (например, вышеуказанные псевдоимперативы и вопросительные предложения, сочетания с глаголом «называется» и ряд других) также способствуют выражению имплицитной агрессии [Op. cit.: 34]: *Где уж мне тебя понять?; Вот только попробуй это сделать?; Тоже мне называется охрана!*

Исследователи агональности политического дискурса, в частности Е. И. Шейгал, среди специализированных знаков агрессии выделяют следующие маркеры «чуждости» [25:131]:

1. Дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования: *эти, они, и уже с ними, там, заморские, забугорные, заграничные* и др. При употреблении этих знаков происходит как бы мысленное очерчивание круга, отделяющего своего от чужих, подчёркивается, что «они» находятся по ту сторону границы круга.

2. Показатели умаления значимости – идентификаторы нижнего уровня тимиологической оценки: *всякие, разные, какой-нибудь там*. Под тимиологической оценкой понимается оценочное ранжирование по параметру «важное, существенное, значительное, серьёзное ↔ неважное, несущественное, несерьёзное, то, чем можно пренебречь, на что не следует обращать внимание».

3. Показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: кавычки и лексические маркеры «якобы», «так называемый», «пресловутый». Деривационно-смысловая цепочка пейоративного отчуждения в данном случае выглядит следующим образом: «сомнительный, не заслуживающий доверия – потенциально опасный – чужой, незнакомый – враг».

4. Ярлыки, характеризующиеся идеологизированностью, субъективностью и предубежденностью. Основным свойством ярлыка является то, что «отрицательная оценка, которую несёт в себе ярлык, не выясняет объективные свойства личности, микросоциума, явлений, событий, деятельности, а обозначает их по признаку идеологической инородности» [9: 92].

Представляется, что список подобных лексико-грамматических средств вербальной агрессии является открытым и требует дополнения и уточнения. Интересно также отметить, что уровень эмоциональной заряженности некоторых лексических единиц варьируется в зависимости от контекста речевого акта и социального статуса его участников. В. И. Жельвис приводит следующий пример: «Есть социальные подгруппы, где слово «блядь» гораздо грубее, чем мат; первое считается «бранью по-черному», второе – простым мало что значимым восклицанием. В уголовном мире «Блядь!» или даже какое-нибудь другое слово женского рода типа «Швабра!», обращенное к мужчине, – смертельное оскорбление...» [10: 293].

И наоборот, слова и выражения, которые традиционно воспринимаются как оскорбительные и бранные, в некоторых ситуациях могут использоваться в противоположных функциях, например для выражения восхищения, одобрения или дружеского расположения к собеседнику, ср.: *Как он, собака, хорошо танцует!*; *This rascal hasn't a spark of romance in him!* *Lisa threw her head back and laughed in her old way*. В данном случае происходит своего рода реверсия коннотативного (эмотивного) значения слова. Таким образом, семасиологическая структура слова, в частности отрицательная эмотивность, может претерпевать узуальные изменения в результате интенций говорящего, контекста высказывания и структурно-содержательной организации высказывания.

В ряде работ по изучению речевой агрессии [7; 12; 15] выделяется такое средство, как использование лексики, создающей специфическую метафорическую картину миру: например, воспроизводство метафорических

моделей «война», «природная стихия», «криминал», «названный гость», «болезнь» и т.д.

Исследование агрессии в дискурсе подразумевает рассмотрение вербальной агрессии как формы речевого поведения. Анализ научной литературы позволил нам выделить несколько направлений в изучении данной проблематики.

Во-первых, различают определённые виды агрессии. Основания для подобных классификаций разнообразны. Например, Н. А. Купина и Л. В. Енина разграничивают активную прямую, активную непрямую, пассивную прямую и пассивную непрямую разновидности агрессии [14]. А. К. Михальская предлагает следующие основания для ранжирования речевой агрессии: 1) наличие или отсутствие определённого вида агрессии; 2) представленность или непредставленность объекта агрессии в данной речевой ситуации; 3) конкретность или абстрактность объекта агрессии [18: 23].

Е. И. Шейгал выделяет три вида агрессии: 1) эксплетивная – наиболее прямая, резкая, импульсивно-эмоциональная форма вербальной агрессии (бранные инвективы, речевые акты угрозы, экспрессивные волитивы, вердикты, категоричные требования и призывы); 2) манипулятивная – более рационально-осознанная форма вербальной агрессии, как правило, основанная на идеологических трансформациях исходного смысла (инвективные ярлыки, средства диффамации, запрет на речь); 3) имплицитная агрессия, связанная с завуалированным выражением соответствующего иллюкутивного намерения (косвенные речевые акты, не прямые предикации, иронические инвективы) [25: 254].

Во-вторых, агрессия может исследоваться с точки зрения речевого поведения и речевых стратегий в ситуации конфликта. Агрессивные речевые акты относятся к классу регулятивных речевых действий. В действие вступают социальные роли и отношения участников коммуникации, а основной функцией актов речевой агрессии является переопределение границ конфликтного взаимодействия. Е. В. Любицкая, например, выделяет следующие типы угрозы, встречающиеся в современном молодёжном сленге: угроза-предупреждение, угроза-обещание, угроза-предсказание, угроза-предложение, угроза-утверждение, угроза-вопрос, угроза-запрещение, угроза-приказ, угроза-совет [17: 2002]. Таким образом, агрессия может выступать как эмоциональная и функционально-смысловая доминанта в разных типах речевых актов, традиционно выделяемых в прагмалингвистике (экспрессивы, декларативы, комиссивы, директивы и т.д.).

Особое внимание уделяется проблеме речевой агрессии в институциональном дискурсе [15; 18; 19; 21; 25]. Выделяют несколько типов случаев проявления речевой агрессии в текстах СМИ в соответствии с отношениями, устанавливаемыми между участниками коммуникативного события [22:10]:

1. Автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи.

2. Автор своим представлением предмета речи вызывает или поддерживает в адресате агрессивное состояние.

3. Автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие.

Следовательно, агрессивное речевое поведение имеет различные проявления в дискурсе, а агрессия может пониматься как в узком, так и широком смысле. В первом случае имеется в виду (чаще всего) намеренное использование языка для нанесения оскорбления адресату, причинения ему вреда (например, в результате распространения порочащих слухов) или выражения угрозы. В широком смысле агрессию следует рассматривать, на наш взгляд, как стиль речевого поведения, который вызывает в адресате некое отрицательное состояние, создаёт эмоциональный дискомфорт. Палитра подобных чувств может включать страх, гнев, ненависть, печаль, неуверенность, стыд, отчаяние и т.д. Важно то, что говорящий, выражаясь метафорическим языком, пытается «подавить» собеседника в процессе коммуникации, вынудить его отступить. Конечной целью в этом случае является заставить адресата вести себя в соответствии с намерениями и желаниями говорящего. Вопрос об успешности или эффективности такого «жесткого» стиля коммуникации мы оставляем за рамками обсуждения настоящей статьи.

В психолингвистике выделяют определённые типы текстов на основании их эмоционально-смысловой доминанты [3]. На наш взгляд, агрессия может выступать в качестве такой доминанты. Её выявление основывается на наличии соответствующих предикатов и лексических элементов, используемых для их вербализации. При этом текст может не содержать никаких признаков явно выраженной агрессии. Здесь уместно вспомнить о разведении понятий «агрессия» и «агрессивность» у Л. Берковица, обсуждаемом выше. Агрессивность понимается им как относительно стабильная готовность к совершению агрессии. В лингвистическом плане агрессивность можно определить как свойство текста, способное вызвать негативное состояние у реципиента и при определённых обстоятельствах явиться стимулом к агрессивному поведению как вербальному, так и физическому. Можно предположить, что агрессия будет выступать своего рода метасмыслом текста, написанного в агрессивном стиле. Приведём пример подобного текста – начало некролога на смерть известной российской журналистки Анны Политковской, опубликованного в журнале *The Economist* (14-20 октября 2006 г.):

She was brave beyond belief, reporting a gruesome war and a creeping dictatorship with a sharp pen and steel nerves. It may be a chilling coincidence that Anna Politkovskaya was murdered on Vladimir Putin's birthday, but her friends and supporters are in little doubt that her dogged, gloomy reporting of the sinister turn Russia has taken under what she called his 'bloody' leadership was what led to her body being dumped into the lift of her Moscow apartment block.

Сразу оговоримся, что нашей целью не является дать какую-либо морально-этическую или политическую оценку позиции автора некролога. Мы попытаемся выявить средства, позволяющие охарактеризовать этот текст как агрессивный.

Нетрудно заметить, что анализируемая дробь организована по принципу контраста. Журналистка предстаёт в образе мужественного воина, борющегося

за правое дело и ведущего неравный бой со злом. Стилистически этот эффект достигается за счёт использования «героической» лексики (sharp pen, steel nerves, brave beyond belief, dogged reporting). Этому образу противопоставляется устрашающая картина современной российской действительности времён президентства В. Путина (gruesome war, creeping dictatorship, sinister turn, bloody leadership). Интересно отметить, что словосочетание “bloody leadership” может восприниматься двояко: с одной стороны, в прямом значении «кровавый» (указание на жертв Чеченской войны и терактов), а с другой – как ругательство, выражающее крайнюю степень недовольства и возмущения. Контраст усиливается за счёт использования фразы “her body being dumped”, имплицитно вызывающую дерзость совершенного преступления: с борцом за правду жестоко расправились как с ненужной вещью. Все указанные лексические средства способствуют реализации целой мозаики смыслов, которые очень хорошо встраиваются в общий контекст дискурса многих западных СМИ, в последние годы открыто критиковавших режим Путина. Сюда можно отнести такие смыслы, как диктатура, несправедливость, нарушение прав и свобод личности, ложь, страх и т. д. Естественно, что подобный текст не может не вызвать отрицательных эмоций у читателя, а достаточно высокая концентрация средств, актуализирующих эмоционально-смысловую доминанту текста, даёт основания охарактеризовать его как агрессивный. В данном случае текст агрессивен не только с точки зрения отношения к объекту (Путин и его режим), но и с точки зрения воздействия на реципиента (читатели журнала). Попутно заметим, что хотя далее по тексту тональность несколько смягчается, общий агрессивный фон сохраняется.

Следует иметь в виду, что вербальная агрессия проявляется не только в выборе «агрессивных» лексических единиц, но также в использовании некоторых речевых стратегий (негативная оценка объекта агрессии, понижение статуса объекта, намеренное дистанцирование, нарушение принципа Кооперации по Грайсу и т.д.). Для агрессивного дискурса характерно использование определённых типов речевых актов и коммуникативных ходов, в которых максимально эффективно реализуются выбранные стратегии. Средства выражения речевой агрессии могут варьироваться от крайне резких и агональных (бранные инвективы, призывы к крайним жёстким мерам) до довольно мягких форм (ирония, намёк), а их плотность в тексте должна быть достаточно высокой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2003». – М.: Наука, 2003. – С. 32–35.
2. Басовская Е. Н. Творцы чёрно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика.– Новосибирск: Институт филологии СО РАН; НГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 257–263.
3. Белянин В. П. Психологические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.

4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. – 322 с.
5. Берковиц Л. Что такое агрессия? // Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и М. В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 358–377.
6. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
7. Верзун А. Б. Гендерная агональность политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 24 с.
8. Григорьева О. Н. Откуда берётся зло? // Электронный журнал «Полемика». – Вып. 10. – <http://www.igex.ru/press/pub/polemika/10/gri/>. Извлечено 03.09.2008.
9. Дмитриева О. Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 90–96.
10. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – С. 289–299.
11. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Вступит. статья] // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
12. Колосов С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Дис. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 156 с.
13. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994. – №1-2. – С. 28–49.
14. Купина Н. А., Енина Л. В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 23–30.
15. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности. – 2001. – <http://jasper.ctc.usu.ru:2222/urmion/textmod.jsp?doc=research/p32d.html&ret=research/cont.html>. Извлечено 21.08.2008.
16. Лоренц К. Так называемое зло. К естественной теории агрессии // Психология мотивации и эмоций / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и М. В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 132–157.
17. Любичкая Е. В. Речевой акт угрозы в сленге современной молодёжи. – 2002. – http://conf.stavsu.ru/YOUTH_SCI/SEC7/lubitskaya.htm. Извлечено 20.08.2008.
18. Михальская А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебное пособие для студентов гуманитар. фак. – М.: Academia, 1996. – 192 с.
19. Нестеренко В. Язык нетерпимости и язык доверия // Свободная мысль: Теоретический и политический журнал. – 1992. – №2. – С. 74–77.
20. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры; 3-е изд., стереотипное. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
21. Репина Е. А. Агрессивный текст как тип текста. – 2002. – <http://www.textology.ru/public/agress.html>. Извлечено 21.08.2008.
22. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 120 с.
23. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / Пер. Г. В. Барышниковой; Лит. ред. Е.Е. Соколовой, Т.В. Родионовой. – М.: Наука, 1989. – 455 с.
24. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Академический проект, 2008. – 254 с.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
26. Asante M. K. Identifying Racist Language: Linguistic Acts and Signs // Communicating prejudice. – Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1998. – Pp. 87–99.

27. Baldwin J. R. Tolerance / Intolerance: A Multidisciplinary View of Prejudice // Communicating prejudice. – Thousand Oaks, California: Sage Publications, 1998. – Pp. 24-57.
28. Habermas J. The Theory of Communicative Action. – Vol. 1. – London: Heinemann, 1984. – 465 p.
29. Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Harlow, Essex: Longman Dict., 1995. – 1668 p.
30. Matic J. Disarmament of Hatred. – 1995. – <http://www.aimpress.ch/dyn/trae/archive/data/199503/50321-004-trae-beo.htm>. Извлечено в 2004 г.
31. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. – London: Sage, 1987. – 216 p.

Научная библиотека ТвГУ